

ГЕНИЯ НЕ УБЕРЕГЛИ

В «русскую рулетку» сыграл Петр Чайковский

КУЛЬТУРА должна быть целостной, единой и неделимой. С этим тезисом мало кто спорит. Но вот как добиться целостности, если прошлое уже покрыто мраком, а будущее еще едва маячит в туманной перспективе? Умные люди советуют внимательно всматриваться в день сегодняшний. В нем есть все: и прошлое и будущее. Эти «ипостаси» участвуют в создании двух сторон единой «медали культуры». За подвигами лучше всего обратиться к книге Соломона Волкова «Страсти по Чайковскому» («Эксмо», 2002).

КАКОЙ Чайковский, какие страсти? Тот самый Петр Ильич Чайковский, который был выдающимся композитором и жил в XIX веке. Понятно, что из нашего времени до него вроде бы и не дотянуться. Но Соломон Волков сумел. В 1982 году в Нью-Йорке он познакомился с Джорджем Ба-

ланчиным (1904 - 1983), выдающимся балетмейстером XX века. И они стали беседовать о жизни, о музыке, о Чайковском, о его операх и балетах. Сначала Баланчин не очень охотно вспоминал прошлое. Но потом все более увлекся. Соломон Волков, будучи по профессии музыковедом, сумел Баланчина разговорить. Вполне возможно, что и у самого Джорджа (Георгия Мелитоновича) была вполне конкретная цель: наконец-то объяснить себе и другим феномен Чайковского.

Что касается временной цепочки, то здесь все нормально. До 1924 года Баланчин, правда, под чуть другой фамилией (Баланчивадзе) жил в Петербурге и знал многих людей, которые помнили Петра Ильича Чайковского.

Теперь мы имеем книгу замечательных разговоров с Джорджем Баланчиным. Она так и называется «Страсти по Чайковскому». Многие суждения Георгия Мелитоновича спорные, даже парадоксальные, но доверять им мы мо-

жем с полным основанием. Например, долгое время бытовало мнение, что Петр Ильич жил только музыкой. Политикой не интересовался. На самом деле это не так. Петр Ильич был страстным читателем газет. На его вдохновение и самочувствие политика влияла очень сильно. Когда русские воевали с турками, Чайковский не мог ничего сочинять. То есть когда пушки говорили, то муза Петра Ильича молчала...

Не обошел Волков и разговоры с Баланчиным и тему загадочной смерти композитора. По мнению Георгия Мелитоновича, Чайковский не терпел сплетен вокруг своего имени. Но давлению общества подчинился и решил уйти из жизни. Но, будучи христианином, не мог покончить с собой. Это страшный грех. И тогда Петр Ильич как бы сыграл в «русскую рулетку». Он выпил «холерной воды» и доверился судьбе. А в качестве завещания написал Шестую симфонию.

Михаил КУЗЬМИН